

# ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОР: ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НАДЗОРА

Дмитрий Бойченко<sup>1</sup>

## Abstract

Contemporary IT world is moving to a new stage of the development. The information chaos of the 80s and the 90s was followed by a new process of unification. This trend is determined by a huge amount of ideas and innovations. One of the most influential inventions here is a new consumer digital service, which allows users to rent content, but not to own it. Personal computers slowly are turning into the portals to data-centers and personal files are no longer the center of subjects' digital environment. Jean-François Lyotard once described the information future as a crossroad between open information banks and information terror. Since the ethics of postmodern has been introduced this issue evolved into the central dilemma of our age and nowadays universalization has radicalized it. There are new modes of production and consumption, which permeated with information and among other things force us to reshape the concepts of surveillance and individual autonomy.

**Keywords:** postmodern, informatization, Empire, surveillance, individual autonomy.

Когда мы говорим о современном мире, то неизбежно прибавляем префикс или прилагательное к слову модерн, что, как минимум, означает, что мы больше не живём в том самом модерне или желаем от него дистанцироваться. Фактически, все социологи, антропологи и культурные исследователи говорят об эволюции модерна под воздействием развития технологий. Современный цифровой мир не вписывается в теории модерна и даже различные версии постмодерна, в которых информация незаслуженно забыта. Вполне возможно, что сегодня мы перешли на третий этап, что мы уже довольно давно живём в цифровом модерне или движемся к нему на очень большой скорости. Однако здесь очевиднее всего то, что мы имеем дело с темой для отдельной статьи, и в этот раз я ограничусь лишь некоторыми замечаниями о настоящем.

Дигитализация находится на пике своего развития, а это значит, что она вот-вот закончится. Дигитализация станет слишком всеобъемлющей для того, чтобы обозначать нечто,

<sup>1</sup> Дмитрий Бойченко – магистр социологии, докторант философии, преподаватель Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

и появится уверенность в том, что компьютерной (или посткомпьютерной) эре пришёл конец.<sup>2</sup> В настоящее время складывается впечатление, что технологии уже везде, но мы находимся лишь в самом начале пути. Тем не менее разговоры о будущих опасностях и материализации *Skyнет*<sup>3</sup> превратились в повседневную рутину. Так, многие постсоветские эксперты ошибочно приняли распространение технологий за новую холодную войну. Тем временем если война и была, то её никто не заметил, а победил в ней маркетинговый отдел одной из западных корпораций. Сегодняшняя ситуация выглядит примерно так: месьё Пастер из известной статьи Бруно Латура<sup>4</sup> переделывает человеческую природу, потребители выбирают аксессуары для гаджетов, а обеспокоенные ценители традиционных ценностей думают, как им с этим жить. Несмотря на видимую независимость *трёх* указанных тенденций, в ближайшее время неизбежно случится авария, и для нас крайне важно понять, почему и в каких терминах об этом стоит говорить.

### Мир без файлов

На мой взгляд, то, что происходит с западной цивилизацией сегодня, является эффектом конвергенции. С каждым временным отрезком, с каждой инновацией физический мир становится всё более зависимым от мира виртуального. Виртуальный мир не просто проник в инфраструктуру реальности, он теперь и есть сама инфраструктура. Физические действия изначально предполагают виртуальные, но не наоборот. Ничто на данный момент не указывает на то, что физический мир сможет снова стать значимым.

Александр Галловэй и Евгений Такер предлагают понимать наступление технологий на общество как кодификацию, то есть генерирование информации о человеческом теле, её систематизацию и последующее превращение в код.<sup>5</sup> Современные пиар-компании вторят авторам: бум носимой электроники<sup>6</sup>, очевидно, приведёт к тому, что слово «кодификация» станет таким же привычным для повседневной жизни, как и «гаджет». Само собой, носимая элек-

<sup>2</sup> Здесь я воспроизвожу логику Жана Бодрийяра, которая, в частности, описана в его книге *Символический обмен и смерть*: пока феномен остаётся (относительно) независимым – он существует, но как только он распространяется повсюду – он исчезает (Ж. Бодрийяр: *Символический обмен и смерть*, Москва: Добросвет, 2000, 235). Этот тезис не означает, конечно, что все компьютеры завтра прекратят работать: изменится значение «информационализации» – как только она полностью заменит собой физический мир. Префиксы, обозначающие «технологичность» вещи, просто исчезнут.

<sup>3</sup> Искусственный интеллект из серии фильмов «Терминатор».

<sup>4</sup> См. Б. Латур: Дайте мне лабораторию, и я переверну мир, *ЛОГОС*, 2002, 5–6(35):1–32.

<sup>5</sup> R.A. Galloway, E. Tucker: *The Exploit. A Theory of Networks*, London: University of Minnesota Press 2007, 134.

<sup>6</sup> Русскоязычная версия словосочетания *wearable computer* (или просто *wearables*, «носимые»).

троника повлечёт за собой большое количество последствий, о которых теоретики сегодня даже не подозревают (напр. в год запуска *Facebook* многие не могли отличить его от обычного форума и, само собой, не предсказывали ему мировое господство), однако ясно, что кодификация выйдет на новый уровень систематизации информации. Кодификация, на мой взгляд, это чрезвычайно удачный термин для описания виртуализации физического мира. При этом кодификация – лишь эпифеномен более общего процесса. Мы имеем дело скорее со слиянием двух миров, с процессом конвергенции. При этом линия конвергенции не отличается стабильностью: где-то возникают проблемы (цензура, отказ использовать те или иные сервисы), где-то процесс, наоборот, набирает чудовищную скорость (сообщества гиков, технические евангелисты). Западный мир увлечённо мигрирует в виртуальную реальность: пользователи генерируют и обмениваются информацией, а IT компании переизобретают окружающую действительность.

При этом необходимо понимать, что у виртуальной реальности есть конкретный физический топос – дата-центры. У интернета есть не электронный, но физический адрес, а точнее – огромное количество адресов. Используя терминологию Джона Урри, каждый из дата-центров можно было бы назвать техноскейпом: физическое расположение дата-центров – это новая глобальная картография, которая позволяет увидеть, где же в действительности расположена виртуальная реальность. Само собой, дата-центры были всегда, однако именно сегодня они приобретают поистине сакральное значение. Дата-центр становится основной тайной нового *социального*: это изнанка общества, огромные здания, которые похожи на футуризм завтрашнего дня (а большинство пользователей видели их исключительно в новостях), доступ к которым имеют, по всей видимости, только отдельные представители IT сферы. Фактически, для подрыва социальной инфраструктуры той или иной страны следует найти и уничтожить её дата-центры, чтобы взять под контроль социальное, необходимо перенести дата-центр ближе к головному офису секретной службы.

Одна из главных тенденций связана с тем, что персональные накопители памяти становятся меньше по вместимости, а дата-центры – всё больше. Вполне возможно, что в скором времени гаджет может полностью превратиться в окно доступа к информации и сервисам, расположенным в дата-центрах компаний. Вопрос лишь в том, как быстро пользователи откажутся от файлов (украденной или купленной частной собственности). Для многих пользователей это уже сформировавшаяся реальность – операционная система нужна для того, чтобы получить доступ к браузеру, все остальные её возможности вторичны. Другие, напротив, с маниакальной педантичностью складывают цифровой контент и регулярно делают резервные копии.

Новый этап цифрового века требует от нас радикально переосмыслить понимание частной собственности пользователей в

цифровом пространстве и отказаться от её всеобщей значимости. В отсутствие цифровой частной собственности больше ничего не мешает наращиванию скорости изменений. Теперь для того, чтобы познакомиться с новым модным и интеллектуальным постпанком, не нужно бежать в магазин и расспрашивать продавца о том, что бы он купил себе с этой полки, – достаточно найти необходимый раздел в интернет-радио. Модель потребления изменяется ещё раз, и на этот раз вам помогает искусственный интеллект. Хранить файлы в «облаке», слушать музыку через *Spotify* и *Pandora*, арендовать фильмы и сериалы в *iTunes* – у всего этого одна цель: очистить полки от дисков, избавиться от домашних серверов, удалить с персональных компьютеров все ненужные файлы (и в ближайшем будущем вообще исключить слово 'файл' из пользовательского лексикона). Новая цифровая культура предлагает контент по востребованию и делает всё, чтобы пользователь получил его своевременно. Пользователь теряет полноценный контроль над цифровыми объектами, то есть не может изменять те файлы, которые арендует. В частности, таким образом современные компании противостоят пиратству: цифровой объект возвращает себе уникальность, благодаря чему покупка контента становится модной.

Кроме того, ключевым процессом для технологических корпораций становится унификация. Каждая компания стремится создать для пользователя уникальное окружение. Единый дизайн, универсальный код – за пределами различных функций и интерфейсов теперь стоит одна и та же система. Там, где не справляются внутренние механизмы, в дело вступают внешние – поисковые системы и социальные сети. С помощью первых элементы становятся видимыми, с помощью вторых – связанными. Несложно также догадаться, что значимую роль в унификации играет опустошение персональных компьютеров: да, файл по-прежнему можно копировать, изменять, кромсать, но кому нужен файл?

Здесь интересно то, что у виртуализации есть своя история. То, что называли виртуализацией теоретики 1980-х, кажется примитивным (не говоря уже о том, что доступ к компьютеру имелся у очень ограниченного числа пользователей). Сегодня же мы наблюдаем настоящий бум виртуализации. С другой стороны, совершенно непонятно, что случится в ближайшее время, а это значит, что настоящая виртуализация могла ещё не наступить. Так, сегодня мы уже понимаем, что «интернет вещей» (дигитализация бытовых предметов) изменяет наши представления о модерне настолько, что вышеприведённый тезис о виртуальной инфраструктуре снова станет актуальным, однако то, что я называю виртуальной инфраструктурой, уже не будет казаться таким значительным.

### Информационный прагматизм

В своей книге *Состояние постмодерна* Жан-Франсуа Лиотар писал о том, что в конце 1970-х годов Запад оказался перед оче-

редной переоценкой ценностей.<sup>7</sup> В первую очередь речь идёт о недоверии к метанарративам. Метанарратив, в понимании Лиотара, – это научный дискурс, основной задачей которого является легитимация. В ситуации доминирования метанарративов каждая партикулярная языковая игра выстраивает свою деятельность в соответствии с универсальным дискурсом, который обладает всеобщим кредитом доверия. При этом основные вопросы, которые актуализировались в эпоху модерна, – это вопросы познания. В этот период науки выступают инструментами идентификации, они руководствуются идеалами просвещения, в рамках которого рационализация должна быть занята созданием универсального описания мира.

Постмодерн начинается тогда, когда исчезает доверие к метанарративу. Языковые игры отныне существуют на перекрёстках партикулярных нарративов. Множественность языковых игр и нарративов выдвигает новую задачу: теперь основная цель не познание, а производство. Новому порядку не нужна теория, которую невозможно операционализировать и заставить работать. Впрочем, все эти утверждения Лиотара уже давно являются классикой. Интересно другое: в самом начале работы Лиотар фактически приравнивает информатизацию и прагматизацию, а в конце говорит о проблеме доступа к информации. Основная проблема постмодерна – это проблема власти и информации:

«Что же касается информатизации общества, то теперь мы видим, как она влияет на эту проблематику. Она может стать “желанным” инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания, и управляться исключительно принципом перформативности. Но тогда она неизбежно приведёт к террору. Она может также служить группам, обсуждающим метапрескрипции, и дать информацию, которой чаще всего не хватает лицам, принимающим решения, чтобы принять их со знанием дела. Линия, которой нужно следовать, чтобы заставить свернуть в этом последнем направлении, в принципе, очень проста: нужно, чтобы доступ к носителям памяти и банкам данных стал свободным»<sup>8</sup>.

Об отказе от идей просвещения и культивирования прагматики Лиотар говорит как о свершившемся объективном факте, который обязывает западный мир переосмыслить идеи образования. Тенденции прагматизации и информатизации, наоборот, интерпретируются исследователем как вызовы. При этом информатизация, по Лиотару, – это тот процесс, которому необходимо уделять как можно больше внимания, так как именно от информатизации зависит будущее свободы и именно она может привести цивилизацию к террору. Таким образом, в 1979 году информатизация выступала будущим постмодерна, соответственно, все феномены второго порядка, такие как кодификация, ещё не были актуализированы.

<sup>7</sup> Ж.-Ф. Лиотар: *Состояние постмодерна*, Москва: Алетейя, 1998, 14.

<sup>8</sup> Лиотар, указ. соч., 159.

Сегодня очевидно, что в том, что в русском переводе Лиотара называется «банками данных», содержится бесценная информация о субъектах, а вопрос о доступе к этой информации в данный момент актуальнее, чем когда-либо.

Лиотар также говорит о том, что постмодерн вводит новое понимание дисциплины: будь производительным или умри. Знание становится основным ресурсом, а внедрение инноваций берёт верх над всеми мыслимыми языковыми играми и институтами. Это правило будет повторяться теоретиками информационного века: знание оптимизирует процессы производства, создание и аккумуляция знания становятся двигателями экономики. Очень важно понять, что сегодня нужно не просто производить, а производить больше, лучше, быстрее и, что ещё более важно, постоянно поддерживать свои продукты *up to date*: фокус смещается с производства в сторону производительности. Таким образом, производство отходит на второй план, уступая место постоянной работе над тем, чтобы эволюция товаров и процессов их производства и улучшения не заканчивалась. При этом, по Лиотару, постмодерн – это не всеобщее состояние, а определённая стадия позитивистской идеологии, до понимания которой многим странам и институтам нужно будет пережить ещё несколько революций. Глобализация предполагает новую конфигурацию ролей, которые расположены в среде сервисов и маркетинга.

Лиотар отмечает, что познание истины не имеет ничего общего с эпохой постмодерна, новая максима которой связана с производительностью. Любой институт должен производить релевантную информацию, которая становится главной производительной силой. Мануэль Кастельс, в свою очередь, говорит о том, что производство информации сегодня зависит скорее от машин, чем от субъектов.<sup>9</sup> По сути, информационализм совершенствует не человека, но технологии: «расширение человека» здесь не просто продолжение практик субъекта, но самостоятельный механизм для создания данных. Субъект же выступает в роли пользователя, который точно так же, как и всё окружающее, подвергается кодификации. Технологии, таким образом, являются единственным настоящим значимым медиумом, и именно поэтому мы в первую очередь детерминированы не денежными, но информационными отношениями.

В настоящее время мы вплотную приблизились к тому этапу прагматизации и информатизации, который Лиотар в вышеприведённой цитате назвал террором. Уничтожение личного пространства и унификация данных – это те тренды, которые могут сделать террор возможным. Террор в данном случае – это не экстремистская альтернатива системе, но рациональная форма контроля, стирающая границы между частным и публичным. Если главной универсалией традиционных обществ и обществ первого модерна

<sup>9</sup> М. Кастельс: *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, Москва: ГУ ВШЭ, 2000, 124.



выступал метанарратив, то главной универсалией постмодерна может стать террор информатизации.

### Потусторонняя глобализация

Изобретение интернета не привело автоматически к упорядочению западного мира. Скорее, наоборот, в мире появилось ещё несколько десятков вещей, которыми можно разбрасываться: большое количество дискет, дисков, серверов только приумножило информационный беспорядок. Более того, глобализация способствовала интенсивному росту «глобальных свалок», которыми засорён виртуальный мир. Долгое время цифровой мир являлся отражением реального: казалось, что человек вложил в этот беспорядок все свои эмоции, разочарованность и гражданское неповиновение, которые по тем или иным причинам не находили другого выхода.

Информатизация становится методичной только сегодня: если раньше информация генерировалась в огромных масштабах, которые Жан Бодрийяр, например, абсолютно оправданно называл гиперреальными, то теперь виртуальный гиперреализм начинает приобретать бинарную структуру. Само собой, мы всегда и везде будем иметь дело с информационными свалками, но на фоне свалок, как метрополии на фоне колоний, уже появляются рационально организованные данные. Мы, соответственно, можем говорить о *двух* разных режимах информационного производства: один – беспорядочный, суматошный, который в первую очередь обслуживает реальный мир, второй – рациональный, унифицирующий, сфокусированный на интеграции виртуального и реального миров. Первый режим производства сегодня доступен только Империям, второй представлен технологиями вчерашнего дня, которые рассредоточены в странах с развивающейся экономикой.

Империя – это, прежде всего, новый политический субъект.<sup>10</sup> Если модерну соответствует политика империализма, которая подразумевает деление мира на метрополии и колонии, то империя имеет дело исключительно с интернализированными миротворческими конфликтами («восстановление конституционного порядка», «нейтрализация угрозы ядерного оружия» и т. п.).<sup>11</sup> По сути, Империя – это геополитический термин, с помощью которого описывается новая регионализация мира. Майкл Хардт и Антонио Негри ничего не говорят о конфликтах между Империями и вообще отказываются признавать, что в мире существует больше чем одна Империя, что в значительной степени осложняет понимание данного термина. Однако Империя – это очень хорошее означающее для универсального управления.

<sup>10</sup> С точки зрения Хардта и Негри, Империи появились только в постмодерне; всё, что было до этого, не более чем реализация тенденций «империализма».

<sup>11</sup> М. Хардт, А. Негри: *Империя*, Москва: Праксис, 2000, 3.

Империя функционирует при помощи биовласти. Последняя здесь понимается более широко, чем в работах Мишеля Фуко. Если Фуко пытался специфицировать это понятие и задать его позитивную трактовку, то Хардт и Негри занимают вульгарную марксистскую позицию и делают ровно наоборот. Здесь биовласть – это любой дискурс контроля (а других просто нет), который производит гибридные культурные множества.

Имперский режим контроля подразумевает децентрализацию и денационализацию. Есть только один суверенитет – имперский; национальное государство – это всего лишь функциональная единица Империи. Прямым следствием того, что Империя подчиняет национальные суверенитеты, является разрушение национальных границ, за которым следует стагнация всех составляющих частей нации. Как и теоретики глобализации, Хардт и Негри связывают денационализацию с концом локального. При этом их концепция Империи являет собой нечто среднее между макдональдизацией (ранние теории глобализации, в рамках которых глобализацию путали с глобализмом) и глокализацией (более поздняя и теперь уже общепризнанная интерпретация глобализации). Конец локального связан прежде всего с генерированием гибридного культурного ландшафта.

Понятие гибридизации Хардта и Негри практически идентично аналогичному у Хоми Бхабхи, однако в трактовке Хардта и Негри у него прямо противоположное предназначение. Бхабха предполагает, что гибридизация культуры должна использоваться в качестве стратегии сопротивления консервативной позиции национального государства.<sup>12</sup> Субъект должен взломать существующие границы и выйти за их пределы. Хардт и Негри в свою очередь полагают, что гибридность не может считаться инновацией сопротивления, так как Империя успела адаптироваться к этой модели сопротивления и превратила гибридность в разновидность контроля. Множество здесь – это вид детерминации, форма легитимного насилия. Если империализм имел дело с одномерным средним классом, то Империя – с массой, гибкими, гибридными и сетевыми социальными отношениями.<sup>13</sup> Таким образом, практически любая конфигурация

<sup>12</sup> Х. Бхабха: Местонахождение культуры, *Перекрёстки*, 2005, 3–4: 161–192.

<sup>13</sup> В отличие от объективистской интерпретации Яна Ван Дейка (масса = структурное состояние западного общества), негативной интерпретации Хосе Ортега-и-Гассета (масса = серая безнравственность) и апокалиптической интерпретации Жана Бодрийяра (масса = конец социального), Хардт и Негри предлагают понимать массу как мировой пролетариат («мировой» здесь значит денационализированный и гибридный, а пролетариат – это не просто рабочий класс, но все так или иначе занятые субъекты). При этом слово «масса» наделяется позитивным смыслом: масса – это одновременно раб в диалектике Георга Гегеля (благодаря которому существует господин) и неизбежно побеждающий класс у Карла Маркса (Хардт и Негри называют всё те же причины: капитализм должен рухнуть, так как по-другому быть просто не может).



глокального – это новая система ограничений. Империя изменяет отношения пространства и времени, дробит рабочие графики, нивелирует понятие постоянного рабочего места. Новый тип эксплуатации связан с необходимостью быть везде и одновременно динамически изменяться, ситуативно перестраивать себя и при этом обладать только номинальной аффилиацией с сообществом или нацией. Хардт и Негри называют новый топос Империи алокальностью, которая не что иное, как изуродованная локальность, место без статуса и независимости. В сравнении с империализмом, Имперская биовласть похожа на монстра: вместо одной патерналистской модели подчинения она оперирует огромным количеством микростратегий.

С позиции человека, который в любом теоретическом построении ищет логическое противоречие, концепция Империи – очень лёгкая мишень, в ней хватает преувеличений, обобщений и неточностей. Однако основная ценность заключается в том, что она очень интересно интерпретирует изнанку глобального мира. По сути, авторы критикуют не только Бхабху, но и процентов девяносто современных теоретиков глобализации. «Глокальность» Роланда Робертсона, «мобильность» Джона Урри, «транснациональные практики» Арджуна Аппадураи – это понятия, которые оспаривают значимость сущностно важных для «первого модерна» концептов, включая понятие «национального», и, по сути, определяют паттерны имперского контроля. Здесь подход Хардта и Негри во многом близок точке зрения Бодрийяра, который указывает на то, что современная система не только интегрировала собственные альтернативные модели развития, но и включила их в собственные циклы воспроизводства.<sup>14</sup> Глобализация не может противостоять Империи, так как Империя и есть глобализация.

Революционный пафос авторов Империи заключается в том, что процессы гибридизации необходимо взять под контроль. Если, как утверждает Ульрих Бек, глобализация – это нарратив о власти и она (глобализация) не имеет смысла без локального, то локальное – это всегда вопрос власти. Ключевой тезис Хардта и Негри в данном случае заключается в том, что субъект должен вернуть себе контроль над собственной локальностью и мобильностью. При этом ни власть, ни локальное в Империи не имеют смысла без информационного труда.

### Нарратив об информационном труде

Хардт и Негри полагают, что процесс модернизации – это процесс подчинения природы, который имеет своё логическое завершение: если процесс подчинения завершён, кончается и модернизация.<sup>15</sup> При этом последней соответствует индустриальный порядок Джона Кейнса. Если Наоми Кляйн в *Доктрине шока* говорит о

<sup>14</sup> Ж. Бодрийяр: *Прозрачность зла*, Москва: Добросвет, 2000, 100.

<sup>15</sup> Хардт, Негри, указ. соч., 285.

Кейнс как о главном идеологе национальной экономики, позволяющей странам сохранять независимость<sup>16</sup>, то Хардт и Негри отмечают, что сама экономическая модель Кейнса подразумевает унификацию национальных режимов производства (то есть, по сути, ровно обратное)<sup>17</sup>. Интересно, что здесь Хардт и Негри выступают в том числе и против Карла Маркса, согласно которому индустриальный порядок создал глобальный класс пролетариата, первое по настоящему глобальное общество.

Первый модерн, таким образом, представляет собой мир заводов и границ. В свою очередь постмодерн – мир гибридности и компьютеров. После того как достигнуты физические пределы, начинается освоение виртуальных пространств, то есть процесс постмодернизации, который как изменяет индустриальное производство, так и создаёт новые типы производства.<sup>18</sup> Как и Кастанельс, Хардт и Негри указывают на сетевой характер производства, при этом в сеть превращается как сама компания (филиал теперь – это не дополнение, а основная структурная часть), так и отношения между её сотрудниками, основанные на информационных сетях.<sup>19</sup> Авторы выделяют четыре характеристики нового типа производства.<sup>20</sup>

*Культ спроса.* Фордизм – это система, в которой потребление определяет производитель, тойотизм – система, в которой потребитель имеет право на обратную связь. Здесь, конечно, невозможно говорить о том, что потребитель самостоятельно отвечает за конструирование потребительской стоимости, однако мы уже довольно давно не живём в обществе массового рынка, как об этом ошибочно думают многие. Если даже условный фильм «Трансформеры» за первые выходные проката зарабатывает 300 миллионов долларов, это не значит, что мы имеем дело с огромным одномерным обществом. В современном мире это значит, что потребительная стоимость фильма сконструирована таким образом, что она оказывается востребованной в разных целевых аудиториях. То, что Хардт и Негри называют «тойотизмом», – это производство, которое делает акцент на целевые группы, таргетинг и отзывы потребителей.

*Сервисный мир.* Сервис – это то, что принято называть третичным сектором экономики. Здесь мы говорим о производстве нематериальных продуктов (услуг), о сфере обслуживания: от вежливого приветствия до объяснения, что гарантия истекла и ком-

<sup>16</sup> Н. Кляйн: *Доктрина шока*, Москва: Добрая книга 2001, 20.

<sup>17</sup> Хардт, Негри, указ. соч., 240.

<sup>18</sup> Интересно также, что авторы сначала говорят о том, что на определённом историческом этапе модернизированным оказывается всё, но потом уточняют, что только то, что было запланировано. То есть те страны, которые изначально исключались из проекта, в него и не попали. Здесь можно говорить об «отказе в модернизации», который и сформировал ту часть мира, которую мы сегодня называем странами с развивающейся экономикой.

<sup>19</sup> Хардт, Негри, указ. соч., 294.

<sup>20</sup> Указ. соч., 289.

пания не в силах что-либо сделать. С одной стороны, сервис – это долгожданный рай для потребителей (не стоит забывать о том, что когда-то обслуживание было доступно далеко не всем), с другой – третичный сектор является главным проводником информационных технологий.

*Гомогенизация труда.* Если индустриальный мир универсализировал практики пролетариата, то информатизация сделала то же самое со всем остальным трудом. Информационные технологии имеют отношение к любому типу труда: даже изделия ручной работы проще и релевантнее продавать онлайн. Любая занятость предполагает передачу цифровых символов. Радикальная дифференциация труда, безусловно, имеет место, и дизайнерам всё ещё не о чём разговаривать с программистами, однако клише цифрового контроля теперь для всех одинаковые.

*Эфемеризация труда.* Новый способ производства также подразумевает создание зависимости от потребления. Здесь Хардт и Негри заимствуют концепцию потребления у Бодрийяра: потребление односолодового виски – это не просто сеанс приёма жидкости, но ритуал: аутентичная форма бокала, история любви создателя этого вкуса и сопровождающего оркестра с арфами, который притаился в глубине роши. Иными словами, эфемеризация – это всё, что заставляет потребление виски быть похожим на посещение парка «Волшебный мир Гарри Поттера» в Орlando. Можно сказать, что создание и удовлетворение потребностей оказываются децентрированными: один глоток может напоминать о себе в течение месяца, а объекты потребления, как экспонаты современного искусства, становятся скорее пространством, чем конкретной физической вещью.

Таким образом, новый мир производства радикально отличается от индустриального мира. Главное отличие, которое важно для нас, связано с информатизацией, или гомогенизацией, труда. Благодаря этому мы оказываемся в ситуации, когда практически любое наше действие связано с производством, обработкой и передачей информации. При этом для Хардта и Негри принципиален тот факт, что этот новый гибкий мир не стимулирует развитие автономии. Правила изменяются, варьируются, меняются местами, но сам субъект всё ещё является только зрителем впечатляющих метаморфоз системы, которая использует его в качестве функциональной единицы. Кастельс называет этот феномен *flexploitation*, что можно перевести на русский язык как «гибкая эксплуатация»<sup>21</sup>: капитал, таким образом, крайне селективен во внедрении инноваций.

Итак, Империя использует информатизацию в качестве универсального инструмента контроля над алокальностью масс. Виртуальный мир здесь рассматривается прежде всего как корпоративное приложение: это рабочее пространство, которое позволяет

<sup>21</sup> Кастельс, указ. соч., 247.

создавать большое количество идентичностей и связей, но оно пронизано гомогенным кодом, который делает контроль практически абсолютным.

### Конец страха

По мере развития модерна надзор становится всё более мягким и ненавязчивым, его эволюция приравнивается к цивилизованности. Как не раз отмечал Мишель Фуко, кровавый период Средневековья (время абсолютизации традиционных форм наказания) отличался перенасыщенным визуальным регистром.<sup>22</sup> Союз хирургии, искусства и пытки стремился победить время и боль: палач должен был отсрочить смерть жертвы как можно на больший срок, применяя крайне изощрённые методы истязания. Предполагалось, что опыт зрелища гипертрофированной жестокости сможет усмирить толпу и убедить её в том, что малейшее сомнение в праве суверена на власть будет сурово наказано. В свою очередь паноптикум предлагает намного более гуманный подход к наказанию (кавычки в равной степени применимы к каждому из последних трёх слов): суверен растворяется в окружении, власть теряет субъектность.

Внутренний дизайн модернистских сооружений предполагает дисциплину, а это значит, что можно обойтись без перформансов с расчленениями. Страдание в тюрьме обусловлено в первую очередь ограничением возможностей человека и лишением его самостоятельности. Механизмы надзора становятся одновременно невидимыми и вездесущими. При этом никто в точности не знает, ведётся наблюдение или нет: паноптикум предполагает наблюдение, но не гарантирует его. Существование в паноптикуме – это жизнь под давлением страха, источником которого является осведомлённость о том, что наблюдение скорее всего осуществляется. При этом визуальный режим использует травматическую память: изгибы, поверхности, отблески – всё это напоминает о садизме прошлого, но теперь только деликатно намекает на необратимые последствия.

То, что называется обществом контроля, предлагает нам ещё более эффективный подход: каждая скрытая камера не просто намекает субъекту на то, что сейчас не время для девиантного поведения, но постоянно находится в режиме включённого наблюдения (подобно вездесущему и неутомимому социологу).<sup>23</sup> Мир датчиков, сенсоров и камер по-настоящему жесток: он действительно умеет видеть и слышать и при этом обладает великолепной памятью. Если раньше страх был рассеян в пространстве, то теперь и он полностью подчинён системе: у вас всегда есть точный, а не амбивалентный объект, которого следует бояться. Сегодня все знают о том,

<sup>22</sup> М. Фуко: *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*, Москва: Ад Маргинем Пресс, 1999, 25.

<sup>23</sup> D. Lyon: *Electronic Eye. The Rise of Surveillance Society*, Minneapolis: Polity Press, 1994, 83.

что частная собственность не существует без механизмов надзора, однако это никого не волнует. Все знают, что надзор существует, все с ним согласны, и только единицы по-настоящему боятся. Общество контроля отвечает аудитории взаимностью: в метрополиях никто не слышал о том, чтобы средства слежения превышали свои полномочия, а следовательно, с ними всё ещё можно жить в мире и вспоминать о них только в моменты волнения по совершенно не связанным с ними поводам. Общество контроля, таким образом, делает всё для того, чтобы преодолеть страх.

Отдельно следовало бы поговорить о цифровом контроле<sup>24</sup>, ибо благодаря эволюции технологий надзора современное общество цифрового контроля разительно отличается от 1980-х и 1990-х годов. Мы успешно пережили эпоху аналоговой видеосъёмки, компьютеров с огромными мониторами и непонятными операционными системами. Мы уже вступили в эру экосистем<sup>25</sup> и стремительно приближаемся к эре носимой электроники. Новые технологии способны интегрировать все активности пользователя, поставить ему диагноз в буквальном смысле, и даже порекомендовать пользователю обратиться к доктору, указать нужный адрес и проложить маршрут с учётом актуального трафика.

Цифровой беспорядок глобализации на этом заканчивается. Если мир старого модерна, со всеми его техниками и технологиями, обречён на вечную разобщённость, которая сопровождается тысячами убитых и бесконечными нефтяными и патриотическими конфликтами, то новые технологии – это мир тоталитарной гармонии. От союза современных технологий и идеологических аппаратов гуманитарных ценностей может появиться идеальная машина по синтезу консенсусов. Основной этический вопрос, который здесь неизбежно возникает, касается проблемы собственности и того, кто отныне является носителем рациональности, так как очевидно, что новый собственник – это технология, а носитель – субъект. Технологии, конечно же, не смогут урегулировать ценностный конфликт между космополитизмом и фундаментализмом, но позволяют разрешить противоречия там, где их может не быть – в повседневной жизни. Человек, таким образом, сможет избавиться от постоянной и навязчивой необходимости проектировать бесконечные маршруты, что позволит языковым играм стать ещё более прагматичными.

Здесь страх оказывается побеждён вторично, и теперь, возможно, навсегда. Мы поступили точно так же, как в своё время

<sup>24</sup> Само собой, это не программный термин, и сегодня каждый автор называет надзор в интернете так, как ему больше нравится. Проблема в том, что универсальной дефиниции просто не существует, а вводить в этой статье новую я не хотел. Поэтому словосочетание «цифровой контроль» в рамках данного текста существует как словосочетание-заменитель.

<sup>25</sup> Имеется в виду технологический термин «экосистема», который обозначает плотную интеграцию программных, аппаратных и облачных элементов.

коренные племена Северной Америки: прекратили бояться пришельцев и задумались о том, что полезного может предложить Старый Свет. Радикальная самоубийственная позиция вождей сменилась дипломатическими играми. На первый план вышел вопрос о доверии. Кто лучше: французы или испанцы? А может, англичане? Кто будет ответственно обращаться с персональными данными и не выдаст их Имперскому правительству? Примерно перед таким выбором окажутся пользователи, когда вопрос безопасности наконец-то станет главным. Это неизбежно произойдёт, когда при покупке дома клиенту предложат выбрать (если опция выбор будет существовать) персонального ассистента для регулирования комнатной температуры, который будет способен следить также за тем, чтобы ночью все двери были закрыты и чтобы никто из семьи не проспал работу и не забыл принять соответствующие лекарства.

На данный момент технологиям успешно удаётся притворяться игрушками: многие ошибочно думают, что между гаджетами нет никакой разницы и всё, что нужно от смартфона – это хорошая связь. Этот период, как и все периоды декадентства, неизбежно закончится, когда на язык технологий перейдут все, от президента до соседей и домашних животных.

Цифрового надзора теперь не принято бояться, так как он операционализирован как потребление. Особый интерес здесь вызывает, напр., смартфон *Moto X*. При этом сервис *Google Now* можно запустить, не дотрагиваясь до самого телефона, так как гаджет постоянно находится в режиме ожидания, и в случае распознавания команды он начинает её исполнять. В свою очередь *Google Now* – это виртуальный ассистент, который расположен на сервере компании *Google* и использует всю доступную информацию о пользователе. *Google Now*, например, умеет рекомендовать контент, предлагать интересные места, если пользователь оказывается в той или иной зоне. При этом очевидно, что чем лучше указанный сервис узнаёт пользователя, тем более точными будут его советы. Само собой, я не говорю о том, что *Moto X* – это инструмент, созданный исключительно для шпионажа, однако он открывает интересные перспективы для потенциального наблюдения, делая работу частных детективов архаичной.

Фактически, разрешая приложениям использовать геолокационные возможности, нажимая на кнопку «Я согласен» при каждом обновлении системы или просто заводя себе новый аккаунт *Google*, мы включаем себя в систему потребления, которая функционирует благодаря контролю. Практически каждая инновация, таким образом, делает процесс цифрового контроля всё более и более совершенным.



## Узнать себя

Интернет не только предполагает, но и гарантирует наблюдение. Впервые между субъектом и объектом наблюдения появляется медиум, который доминирует и над первым и над вторым, и при этом вполне может обходиться без первого – обществу цифрового надзора надсмотрщик не нужен. На мой взгляд, основное изменение, которое позволяет нам говорить о значительных переменах в обществе контроля, – это нивелирование человеческого фактора: если в эпоху общества контроля надсмотрщик при помощи технологий нарушал законы пространства и времени, то теперь он выступает в роли технического консультанта. Как я уже отмечал выше, Лиотар полагает, что система сможет обойтись без надзора только в том случае, если информация будет открытой и доступной. В противном случае мы имеем дело с террором, жизнью под постоянным надзором.

Интересно, что довольно часто под открытостью информации понимаем бесплатность доступа. Люди, которые много читали об интернете в традиционных СМИ, совершают следующую логическую ошибку: они думают, что информация должна быть бесплатной, а поскольку сегодня всё является информацией, то всё должно быть бесплатным. Такой подход эффективно легитимизирует воровство, которое в постсоветском пространстве почему-то не считается культурной патологией. Однако очевидно, что основная проблема здесь не в том, что сериал «Girls» должен стать бесплатным. Информационное общество будущего – это не анархия, а новый мировой порядок, нарратив о власти, который, как минимум, должен подразумевать два аспекта автономии.

*Во-первых, субъект вправе контролировать своё программное обеспечение.* Этот тезис выдвигается большинством идеологов открытого программного обеспечения, однако данная возможность является прерогативой для тех пользователей, которые способны изменять программное обеспечение и нести ответственность за эти изменения. На мой взгляд, закрытое программное обеспечение приобретает популярность не только в силу того, что контроль может принадлежать разработчикам, но и потому, что большинству пользователей просто не нужно контролировать свои гаджеты. Более того, многие приложения предоставляют огромное количество опций для персонификации, оптимизации и модификации, которые чаще всего являются излишними и сбивающими с толку. Возможно, мантра о том, что дизайн должен быть *flat*, а интерфейс *simple*, не нравится тем людям, которые испытывают привязанность к первым персональным компьютерам. Возможно также, что инновации могут не нравиться тем, кто воспринимает цикл обновления программ как «цифровой фашизм» (стремление навязать обновление или установить его без ведома пользователя). Однако крайне важно понять, что именно привлекательность и простота технологий – это те особенности, которые делают технологии мас-

совыми. Так, до появления *iOS* и *Android* смартфон выступал символом технической грамотности или атрибутом корпоративных пользователей. Теоретики современной цифровой экономики и аналитики ИТ указывают на то, что сегодня ситуация радикально изменилась: управление и репрезентация новых технологий максимально упростились, и именно это сделало ИТ по-настоящему актуальными. Таким образом, под контролем программного обеспечения следует понимать не возможность разбирать и собирать гаджеты, но способность быстро и в деталях осваивать управление ими.

*Во-вторых, субъект должен контролировать информацию, которую те или иные технологии производят о нём.* Речь здесь идёт, прежде всего, о демократической автономии: субъект самостоятельно определяет условия своего собственного существования так, чтобы они не противоречили условиям существования другого. Необходимой составляющей индивидуальной политики рефлексивного человека настоящего и будущего должен быть мониторинг информации, которая генерируется благодаря его присутствию в реальной виртуальности. При этом пользователь также должен иметь права на пользование цифровыми сервисами и быть уверенным в том, что информация о нём не используется в неизвестных ему целях.

На данный момент вопросы безопасности и приватности по-настоящему никого не волнуют. Интернет вызывает восхищение, раздражение, усталость, но не страх. Во время обсуждения законопроектов АСТА, SOPA и PIPA<sup>26</sup>, пользователи боролись за соблюдение своих прав и одержали победу, и это был первый по-настоящему большой конфликт, который имел не косвенное, а прямое отношение к информационному веку. События примечательны в первую очередь тем, что демонстрации проводились не в поддержку демократической автономии в принципе, но её частного аспекта, касающегося информатизации. Это глобальное движение словно переносит нас в будущее, где виртуальная реальность будет иметь такое значение, что борьба за неё будет происходить в мире реальном, в котором сохраняются различные типы неравенства и тюрьмы.

Сегодня на тему контроля в интернете написано огромное количество статей и книг в творческом диапазоне от свихнувшейся конспирологической аналитики до визионерских, но никому не известных книг, однако и то и другое превращается либо в индивидуальную паранойю, либо в повседневный информационный

<sup>26</sup> АСТА (*The Anti-Counterfeiting Trade Agreement*) – международное соглашение по борьбе с контрафактной продукцией, которое подписали несколько стран в 2011 году; SOPA (*Stop Online Piracy Act*) – американский законопроект о прекращении онлайн-пиратства (2011); PIPA (*Protect Intellectual Property Act*) – американский законопроект, направленный на предотвращение кражи интеллектуальной собственности зарубежными пользователями интернета.

фон. Виртуальную реальность, таким образом, нельзя назвать по-настоящему проблемным полем. Так, интервью Эдварда Сноудена похожи скорее на спектакль государственного театра Имперской столицы, чем на серьёзный голос сопротивления. В свою очередь публичные выступления евангелистов *Linux* и свободного программного обеспечения слишком малочисленны, чтобы быть заметными. На сегодняшний день ни о каких массовых репрессиях в интернете мы не знаем (что, впрочем, не означает, что их не будет в будущем), а пользователей больше волнует частота изменения дизайна *Gmail*, чем то, насколько честно *Google* поступает с их персональной информацией.

Ответом на многие вопросы может стать распространение цифровой грамотности. Здесь уместно вспомнить недавнюю статью WIRED *Цифровая грамотность – это ключ к будущему, но мы всё ещё не знаем, что это такое*<sup>27</sup>, в которой, в частности, говорится о том, что пользователи должны знать о рисках, связанных с современными технологиями (и в теории мы должны перейти от простого знания о технологиях к их разработке: пассивное отношение к ИТ должно эволюционировать в активное). Очевидный минус здесь, конечно, в том, что, для того чтобы цифровая грамотность стала экономически выгодной, должно произойти определённое количество драматических событий, которые могли бы заставить забить тревогу на институциональном уровне. До того момента, когда благодаря нашей всеобщей вовлечённости в цифровой мир с нами начнут происходить не цифровые, но вполне реальные несчастья, большинство представителей глобального общества можно считать киберконформистами.

---

<sup>27</sup> М. Wohlsen: Digital Literacy Is the Key to the Future, But We Still Don't Know What It Means, *WIRED*, 2014, 15 Aug, [Electronic resource] Mode of access: <http://www.wired.com/2014/09/digital-literacy-key-future-still-dont-know-means/>